

Он сжимал в ладони, спрятанной в кармане пальто, ту самую записку, которую обронил Шан Цюэ, а его взгляд, следуя за лучами рассеянного света, поочередно скользил по лицам сидевшей неподалеку компании, пытаясь угадать, кто же из них был тем самым автором загадочной любви.

Он еще никогда так отчетливо не осознавал, что это у него нет никаких воспоминаний, в то время как у Шан Цюэ они есть.

У Шан Цюэ были друзья, была семья, вокруг него вилось множество незнакомых ему людей. У него же не было абсолютно ничего — только Шан Цюэ.

Это несправедливо.

Линь Шуцзэ заподозрил, что у него начались галлюцинации. Судя по тому, как Линь Шуцзэ знал Цзянь Жань, сейчас тот должен был с улыбкой забрать Шан Цюэ, а затем при первой же возможности поджечь это место и сжечь всех присутствующих до единого — это был его обычный стиль работы.

А сейчас на его лице застыло выражение... обиды?

Линь Шуцзэ предпочел бы поверить, что Цзянь Жань сошел с ума.

Он молча приподнялся с дивана, намереваясь сбежать, пока Цзянь Жань окончательно не свихнулся. Однако в этот самый момент человек, сидевший на диване и до этого глубоко утопавший в спинке, медленно открыл глаза и принялся расправлять задравшийся воротник рубашки.

Линь Шуцзэ: «???»

Линь Шуцзэ ошарашенно смотрел, как этот человек поднимается с дивана: — Шан Цюэ, ты... ты что, не пьян?

Шан Цюэ никак не ожидал, что Цзянь Жань явится сюда.

Это всё сильно осложняло.

Он с головной болью нахмурился, понимая, что притворяться дальше бессмысленно, и вынужден был подняться с дивана. Линь Шуцзэ и Тан Цзюнь, единственные двое трезвых в этой компании, растерянно и тупо переглянулись. На глазах у обоих Шан Цюэ извлек телефон и произнес совершенно отчетливо, без малейшего намека на опьянение: — Цзянь Нин, машина готова?

На том конце провода Цзян Нин что-то ответил, и Шан Цюэ, склонившись над экраном, подхватил с пола под диваном свой пиджак неизвестно с какого момента валявшийся там, смахнул с него пыль и бросил в трубку: — Ладно, тогда отправляй их домой. Мм, меня забирать не нужно.

Закончив разговор, генеральный директор Шан набросил пиджак на плечи. Несмотря на легкую небрежность во внешнем виде, его преимущества — широкие плечи и узкая талия — никуда не делись, и ни растрепанные волосы, ни винные пятна на одежде не могли придать ему жалкий вид.

Одной рукой он застегнул верхнюю пуговицу ворота, а другой небрежно хлопнул по плечу стоявшего ближе всех Тан Цзюня и легко улыбнулся: — Я оставляю их на тебя.

Тан Цзюнь показал ему жест ОК и только потом переспросил: — Ты что, не напился?

— Если бы я не прикинулся пьяным, разве они отпустили бы меня? — Шан Цюэ с улыбкой развернулся и зашагал, переступая через усеявшую пол бутылки и осколки стекла.

Судя по направлению, он собирался к Цзянь Жаню. Тот тоже стоял на месте, его пальцы, крепко сжимавшие что-то в кармане, чуть расслабились, сердце наконец забилось ровнее, и он во все глаза ждал, пока тот подойдет.

Барное освещение — яркое ли, мертвенно-белое ли — в конце концов всегда скатывалось в полумрак и двусмысленность.

В таком тусклом и зыбком свете некоторые люди казались невероятно красивыми: черты лица, от природы наделенные мужественностью, смягчались до неузнаваемости, углы глаз тонули в легкой тени, а мишурный блеск отражался в них целыми мириадами звезд.

Цзянь Жань: «...»

Сердце Цзянь Жаня билось медленно и тяжело, и его стук заглушал и грохот музыки, и гул человеческих голосов.

Раньше он не понимал, почему так происходит, но теперь все встало на свои места. Рука, спрятанная в кармане пальто, сама собой вытянулась наружу, ладони, исчерченные следами от ногтей, раскрылись, и он шагнул навстречу свету, сокращая расстояние между ними — еще чуть-чуть, и он сможет...

— Кстати.

Наполовину преодолев путь, Шан Цюэ вдруг что-то вспомнил, занесшаяся нога опустилась обратно на пол, и он перевел взгляд на стоявшего в стороне Сюй Шуо, произнеся мягким

тоном: — Спасибо тебе за помощь. Тебя тоже нужно отправить домой?

Сюй Шуо замер, совершенно не ожидая, что Шан Цюэ заговорит с ним, и растерялся. Он судорожно сжал серебряную цепочку, все еще намотанную на руку, и какое-то время не мог подобрать слова.

Он замялся: — Я...

Он успел произнести всего одно слово, как из-за спины Шан Цюэ внезапно высунулась рука. Перекинувшись через его плечо, она резко дернула его в сторону, преграждая путь Шан Цюэ, в то время как ее хозяин в упор уставился на Сюй Шуо взглядом острым, как иголки, до предела холодным и колючим.

Сюй Шуо мысленно усмехнулся. С самим Шан Цюэ он общаться не умел, но перед Цзянь Жанем ничуть не робел и в ответ легкомысленно одарил того насмешливой улыбкой.

Эта ответная реакция возымела мощный эффект — лицо Цзянь Жаня на глазах стало еще мрачнее. Не сказав ни слова, он свирепо зыркнул на Сюй Шуо, после чего схватил Шан Цюэ за запястье и решительно потащил за собой.

Сюй Шуо скорчил гримасу его удаляющейся спине. Опустив взгляд, он столкнулся глазами с Тан Цзюнем, который все еще торчал у дивана.

Тан Цзюнь вылупил глаза, некоторое время молча смотрел на него, а затем медленно поднял вверх большой палец.

Тан Цзюнь: — Братишка, мощно.

Сюй Шуо: «?»

Сюй Шуо уставился на него, сунув руки в карманы брюк, и вдруг вспомнил какую-то фразу, брошенную Тан Цзюнем ранее. Запоздало нахмурившись, он спросил: — Ты случайно не меня только что альфонсом назвал?

— Кто? — Тан Цзюнь включил дурака. — Кто называл?

Сюй Шуо: «...»

Молодой господин Тан, всю жизнь путешествовавший по миру с непробиваемым лицом, не только не испытывал ни малейшего угрысения совести, но и бесстыдно скалил зубы, пытаясь завербовать бесплатную рабочую силу: — Слушай, братец, выручишь? Помоги дотащить эту компашку до машины.

Сюй Шуо тоже не был дураком и вытащил из кармана телефон: — Давай контакт Шан Цюэ.

Тан Цзюнь: — Ни за что.

Сюй Шуо: — Тогда не помогу.

Тан Цзюнь: «...»

Сюй Шуо: «...»

Музыка гремела вовсю, но противостояние было безмолвным...

Цзянь Жань с детства терпеть не мог бары, особенно бары в Городе А. Показные, шумные, бессмысленные. Даже потеряв память, он ничуть не изменил своего мнения об этом месте: едва он переступил порог, грохочущая музыка едва не оглушила его, и от этого оглушения царившее в душе отвращение выросло в разы.

Он попытался потащить Шан Цюэ к выходу, но дорога наружу, как и путь внутрь, была заполнена самой разношерстной публикой. Кто-то извивался на танцполе, кто-то целовался прямо на диванах, и даже случайные мужчины, попадавшие им навстречу, ходили полураздетыми, выставляя напоказ наполненные груди.

Бессовестные.

— Цзянь Жань?

Такие заведения должны просто закрываться к чертям.

— Цзянь Жань?

Надо вызвать полицию и всех их арестовать.

Пальцы Цзянь Жана, впившиеся в запястье Шан Цюэ, сжимались все сильнее — Шан Цюэ даже начал опасаться, что услышит треск собственных костей.

Он с силой дернул Цзянь Жана за руку: — Цзянь Жань!

Цзянь Жань резко остановился, наконец услышав его голос, обернулся и исподлобья уставился на Шан Цюэ.

Цзянь Жань: — Тебе нравится такое место?

Цзянь Жань был зол, и Шан Цюэ это понял. Все слова, которые он собирался сказать, моментально вылетели из головы, и он выпалил: — Прости.

— Зачем ты меня обманул? Тебе стало со мной скучно, и ты тайком пришел сюда развлекаться? Или... — Цзянь Жань прикусил губу. — Или тебе... вообще нравится...

Он не смог продолжить.

В отсветах неоновых огней Шан Цюэ заметил горечь, затаившуюся на дне его глаз. Цзянь Жань до боли закусил уголок нижней губы, а его веки покраснели до предела.

Шан Цюэ больше всего на свете не выносил его таким — с глазами брошенного щенка, от которых сердце одновременно замирало и обливало кровью.

На уровне рефлексов Шан Цюэ применил проверенный способ утешения: свободной рукой, не зажатой в тисках Цзянь Жаня, он мягко провел по его щеке.

Однако на лице Цзянь Жаня почти не было живого места, выступающие кости неприятно резали пальцы. — Прости, я правда не знал, что они придут сюда. Я собирался вернуться до половины седьмого, но ты пришел раньше.

Цзянь Жань нахмурился: — А если бы я не пришел, ты бы вернулся и рассказал мне, что побывал здесь?

— Рассказал бы, — ответил Шан Цюэ и еще раз погладил его по щеке. — Я бы не стал тебе врать.

«...» Буря, бушевавшая в груди Цзянь Жаня, наконец немного улеглась от этих слов.

Он поднял руку и аккуратно пригладил растрепанные волосы Шан Цюэ, а заодно задержал взгляд на его лице.

Шан Цюэ был пьян, его глаза излучали теплую, пьянящую истому, а на пиджаке остались глубокие заломы. Его привычная безупречность куда-то испарилась, и теперь он больше походил на беспутного молодого аристократа. От него за версту разило красным вином, и казалось, будто он даже помолодел на несколько лет.

Именно поэтому он заставлял...

Цзянь Жань сам того не заметив до боли стиснул зубы. Он злился, но злиться на Шан Цюэ не смел.

Потому что у него остался только Шан Цюэ.

В конце концов, сдержав эмоции, Цзянь Жань лишь чуть сильнее опустил уголки рта и занялся единственным, что было в его силах — еще раз аккуратно причесал растрепанные волосы Шан Цюэ, произнеся тихим голосом: — Больше не смей меня обманывать.

Шан Цюэ тут же пообещал, что не будет, а пообещав, запоздало попытался оправдаться: — Я и не думал тебя обманывать, сегодня правда вышло случайно. В следующий раз обязательно предупрежу, хорошо?

— Мм. — Цзянь Жань по обыкновению верил каждому его слову, не сомневаясь и не допытываясь. Он снова провел пальцами по волосам Шан Цюэ, зарываясь в них ладонью и словно не желая отпускать.

— Шан Цюэ, я раньше, я...

Цзянь Жань не успел договорить, как со стороны танцпола донесся протяжный взволнованный вопль. Пронзительные, возбужденные крики и грохот аплодисментов еще долго не утихали.

Ярость Цзянь Жаня, которую он с таким трудом подавил, снова вспыхнула ярким пламенем. Он почти силой притянул Шан Цюэ к себе и одним движением накрыл его глаза ладонью, намертво зажмутив.

«?» Шан Цюэ не успел даже сообразить, как мир вокруг погрузился во мрак, и лишь сквозь щель между пальцами Цзянь Жаня пробивалось розоватое свечение.

Шан Цюэ: — Цзянь Жань?

Голос Цзянь Жаня раздался вплотную, шепотом у самого уха: — Не смотри, иди за мной.

— Так я же ничего не вижу.

— Ничего страшного, иди вперед, Шан Цюэ.

На ходу Цзянь Жань перехватил руку, кажется, встав у него за спиной. Теперь направлять его стало еще проще, и те редкие щели, что оставались перед глазами Шан Цюэ, окончательно исчезли.

Поэтому Шан Цюэ оставалось лишь послушно сделать шаг вслепую. Не наступив ни на какой предмет и ни в кого не врезавшись, он осмелился сделать второй шаг.

<http://bllate.org/book/25636/3058310>